

Андрей Королёв

г. Кемерово

Так близко, что можно прикоснуться

Сергею Бондаренко

Эти трое на скамейке сразу притягивали к себе внимание – раскрепощенные, веселые, светлые. То есть по всем признакам счастливые. Правда, любовались ими прохожие как-то вскользь, не засматриваясь долго, не теплея особенно душой, да и не все любовались – потому что

счастливы эти трое были как-то обособленно и сами для себя. Ну и зачем тогда, спрашивается, занимали такое козырное место на лучшей улице в такой первый погожий день? Могли бы и в любом кафе, и на работе в кабинете остаться тусоваться.

Нет, в кабинете уже не могли. Им хотелось встретить весну именно здесь, на Весенней, в любимом уголке города. Запомнить это ощущение праздника, присоединиться к нему, подтвердить своим участием. Счастливые бывают так самонадеянны.

Мужчина постарше, мужчина помоложе и совсем юная девушка, сидевшая между ними, действительно работали вместе – в редакции областной газеты. Уже солидной, но еще смелой. И радовались в том числе и этому.

Старший из них, замредактора Левашов, наверное, получал больше всех удовольствия. Рядом с молодежью и он чувствовал себя свободно, легко. Он был уверен, что на одной волне с этими современными яркими ребятами. И что жизнь в такой чудесный день не только может, но и должна быть прекрасна.

Да тут, собственно, любой человек испытывал бы подобный подъем. Ведь Весенняя – уникальная улица: и солидная, и уютная. Даже всякая соцреалистическая лепнина на фасадах, давно утратившая свой прежний вид и смысл, ее только украшает. Не говоря уже о клумбах: каждый год всё пышней и изощренней, но все равно, как в детстве, родные.

– Я знаю пару, которая и поженилась только из-за Весенней, – начал Левашов очередной свой пассаж. Он сегодня выступал в роли если не аниматора, то модератора – задавал встрече верный тон.

– Чтобы здесь в свадебных нарядах пройтись и сфоткаться? – предположила Аня, практикантка.

– Только не говори, что она залетела здесь в кустах! – прыснул Влад, ведущий корреспондент.

– Какой же ты все-таки циничный, неромантический! – стукнул Левашов друга по коленке. – Хотя тут и правда, конечно, любовь по расчету. Эта деваха, Оленька Главатская, красивущая была зараза, потому и капризная. Главная центровая звезда в восьмидесятых. Ну и сказала: «Выйду за парня только с улицы Весенней». В то время ведь обменяться сюда и тем более купить здесь квартиру было нереально...

Он остановился, прикидывая, во-первых, не слишком ли древним мастодонтом предстает

Королёв Андрей Александрович родился 13 июня 1964 года в Кемерове. Играл в футбол за команду «Кузбасс». Служил в армии. Окончил филологический факультет Кемеровского госуниверситета. Более тридцати лет работал в газетах («Комсомолец Кузбасса»/«Кузнецкий край», «Край», «Губернские ведомости», «Российская газета», «Кузбасс»). Публиковался в журналах «После 12», «Огни Кузбасса», «Сибирские огни». Живёт в Кемерове.

с такой историей, а во-вторых, не слишком ли много внимания своим красноречием к себе притягивает?

Он не хотел задвигать на задний план Влада, который явно был увлечен Аней. Понять бы еще – насколько серьезно? Бог их, нынешних, разберет. У них теперь с этим как-то проще: встать, почистить зубы, сесть позавтракать, сходить поработать, лечь переспать, никуда не ходить и весь день чатиться в сетях...

– Ну и что, мораль-то какая? Добро победило зло? – напомнил Влад. – Или кинули несчастную принцессу на горошине – отправили на поселение в Кировский район?

– Да, Евгений Кириллович, за кого она в итоге вышла? – спросила Аня.

– Да за одноклассника моего, Вовку Пересыпкина. У него отец большим начальником был, вот снегурочка и растаяла. Но жили вроде нормально. Я, правда, давно их не видел.

– Фу, я думал, тут смысл какой-то заложен глубокий, а тут банальный хеппи-энд...

– А в хеппи-энде и есть самый глубокий смысл. А тут и зло получило по заслугам: Оленька вышла за Вовку...

Временами Левашов аккуратно присматривался к Ане. Миниатюрная девушка не столько волновала, сколько интересовала его. Что-то же Влад в ней нашел. Ну вот: карие глаза выразительные, вдумчивые. Губки так трогательно при разговоре выгибаются. И светлые волосы в коротком каре такие тонкие, по-девичьи чистые... «Да, надо похвалить ее Владу, – решил он. – Благословить».

Молодежь меж тем затеяла новую игру – конкурс на самый нелепый наряд. И выбирать жюри было из кого: в обе стороны Весенней фланировали стайки от двух до пяти отчаянных модниц – чаще всего в мини и на высоких каблуках.

– Вон слева по борту – только хором не поворачивайтесь – безусловный претендент, – зашептал Влад. – Десять баллов из десяти.

Отроковица и впрямь создала незабываемый образ – на негнущихся ногах в сиреневых лосинах и в полупрозрачном белом балахоне.

– Да, – согласилась Аня. – С таким имиджем у нее отбоя не будет...

– Отбоя – в смысле в солдатской казарме? – хохотнул Влад.

– Да ладно вам злословить! – вмешался Левашов. – Девчонки всю зиму такого шанса ждали. Что им – в областной научной библиотеке пару себе искать?

– Во, точно, в библиотеке! – подхватил Влад. – Представляете: конкурс «Синий чулок». Все вот так целомудренно ножки в проход вытягивают – а чулки такие ажурные, на пажах и с развратными подвязками...

Влад вообще был в ударе, сыпал остротами, и все трое часто смеялись. И, как на грех, один взрыв хохота пришелся как раз на момент, когда с их скамейкой поравнялся подтянутой страж порядка в звании аж старшего лейтенанта. Он цепко «срисовал» лица сидевших и, видимо, не найдя на них должного почтения (и верно, физиономии отсмеявшихся были страдальчески-глуповаты), свернул к компании и кивнул на банку в руке Влада:

– Добр-вечр. Коктельчик, я вижу, употребляем? Прямо у театра кукол? Нехорошо.

Троица примолкла, дурашливо переглядываясь, и полисмент сразу вычислил в этом замешательстве признание вины:

– Так что пьем? Джин-тоник?

– Это цикута, – подняв на него светлые глаза в контактных линзах, серьезно ответил Влад.

– Что-что? Текила?

– Цикута. Испытание в фокус-группе. В случае положительного отзыва пойдет на розлив.

– Так, значит, спиртное? – ухватился мент. – Водка с соком?

– Послушайте... – начал Левашов, но как-то вяловато, и Влад успел продолжить:

– Ну, честно говоря, даже покруче водки. Эффект гораздо убийственней.

– Вы, уважаемый, как-то неясно выражаетесь. Нормально уже приняли? Устраиваете распивочную в общественном месте...

– Ну что вы сразу начинаете... – попробовала теперь девушка урезонить старлея, но Левашов остановил ее поднятием ладони. Пора было всерьез вмешаться, пока Влад не наломал дров. А у самого как-то по-пацански в голове мелькнуло: «Пусть только возьмется за плечо или за руку. Выхватить пистолет – и рукояткой по самодовольной роже...»

– Простите моего друга, – сказал он вовсе не заискивающе, а скорее увещающе. – Нет, конечно, это не спиртное. Обычный энергетик, алкоголь фри, сплошной кофеин.

– А что ж тогда ваш друг так странно себя ведет? За языком не следит. Я ведь могу...

– Да-да, конечно. Вы можете. Мы не можем. Мы всё учтем. Язык подрежем. Банку выкинем. Мент продолжал нависать над троицей и сурово молчать, ясно чувствуя, что его чмырят. Как в детстве понял это во дворе, так и продолжал с тех пор. И, наконец, решив что-то про себя, потянулся к застежке своего планшета.

Левашов быстро поднялся и сложил ладони перед грудью, как примерный миротворец:

– Простите нас, нет, серьезно. Вы, конечно, можете нас всех тут задержать, но и у нас ведь пока есть права. Или уже нет? А вы, кстати, не представились... И я ведь не достаю все свои корочки и не говорю, что член общественного совета при ГУВД, и что ведомственные награды имею, и что играл с Алексей Ивановичем в одной команде... Я ведь ничего такого не делаю. И вечер такой замечательный, давайте не будем его портить. Давайте не будем профанировать...

И откуда только слово это выскочило – совсем не отмазочное? Но, похоже, именно «профанировать» на старлея больше всего и подействовало. Про дружбанство с начальником горотдела ему наверняка часто впаривали, а тут такой вот прямой призыв к разуму. Помолчав угрюмо еще немного, он буркнул: «Ну ладно», – и отвалил.

– А честь ведь так и не отдал, засранец, – покачал головой Влад. У него отец был офицером, и все эти штучки он знал. – Да и откуда тут чести взяться? Ее при выпуске из ПТУ милиции не выдают вместе с ксивой...

– Ладно, ты тоже хорош: нашел с кем в остроумии состязаться, – пожурил его Левашов. – Встал на борьбу с сатрапами самодержавия? Вон как Ньюшу напугал.

– Да совсем я не напугалась! – гордо возразила Аня. – Мне даже интересно стало – по-репортерски. Репортаж с погружением: «Вечер в обезьяннике».

– Ну-ну. А потом неделю отмываться и на тупые шуточки отвечать! – как-то слишком горячо отреагировал Влад.

– Нет, Ньюшу мы бы им ни за что не отдали! Мы бы ее отбили у конвоя, – твердо заверил Левашов. – А она бы нам за это передачи носила, малявы с воли, может, даже в Сибирь бы за нами пошла...

Все опять рассмеялись: мент был уже на достаточном расстоянии, а они и так давно мотали срок в Сибири – и ничего вроде, как-то справлялись.

– А ты знаешь, кстати, что за ведомственная награда у Евгения Кирилловича? – вдруг коварно вспомнил Влад, заправляя прядку за ушко Ани. – Нет, не знаешь?

– Нет, только не рассказывай! – взмолился Левашов. – Только не про это!

Но Аня так мило по-репортерски заинтересовалась... И Влад поведал давнюю уже историю, как за победу в конкурсе на лучший материал о милиции (не в самой, разумеется, престижной номинации) Евгений Кириллович был удостоен... наручников («Без гравировки? Не инкрустированных стразами?» – еще ехидно уточнила Аня). И как однажды он ими воспользовался, но не очень удачно, и пришлось вызывать слесаря, а тот оказался тем еще паскудником...

Аню проводили до самого дома. У подъезда Левашов отошел к урне прикурить и выбросить спичку, но этой своей тактичностью, похоже, только смутил молодых: попрощались они без особых нежностей.

И вот мужчины вдвоем расслабленно зашагали назад в сторону центра. Улица, как и положено Пролетарской (панельные хрущевки и слишком часто посаженные березы), была бедноватой, бледноватой по сравнению с волшебной Весенней, но и здесь чувствовалась своя весенняя радость, своя нескрываемая надежда на обновление.

– Ну что, продолжение последует? – спросил Влад уже на перекрестке у «Швейки». «Бравой солдатской Швейки» – потому что здесь скучковались и узловые остановки, и значные заведения, и просто торговые точки формата «всё, чтобы догнаться».

– Да нет, лучше не надо, – сморщил нос Левашов. – Такое благостное настроение – какое-то негероическое...

Но продолжение последовало, и очень неожиданное.

Перед этим Левашов успел поужинать и вымыть посуду (временно живя один, он, гордый собой, аккуратно вел хозяйство). Сел на диван, потыкал кнопки пульта и притормозил на передаче «Дежурная часть». Неувядаемая классика: участковый возвращался домой после службы, услышал женский крик и обезвредил матерого рецидивиста. Убедительные кадры: неприятный темный тип вжат профилем в землю, а рядом в траве почему-то до сих пор валяется реально опасный нож.

«Да, наверное, есть и такие, – признал Левашов. – Может, и сегодняшней не так уж и плох. Просто нудный служака, подвинутый на правилах. Его пожалеть надо». Но вслед за этой русско-интеллигентской мыслью подросла и другая – русская народная: «Нет, ему же явно нравится свою власть показывать. А такие и вылазят наверх. И пока я тут рассусоливаю о милости к падшим, он будет только жиреть и наглеть, и совсем уверится в своей безнаказанности, и станет ломать жизнь другим – более мягким, безответным...»

Вот тут-то и раздался звонок – причем не домофонный, а сразу в дверь квартиры. На пороге стояла Нюша – пьяненькая и виновато-кокетливая. В одной руке – бутылка коньяка, в другой – ананас. Набор начинающей соблазнительницы из супермаркета.

И Левашов – неожиданно для себя самого – не только внешне сдержался, но и внутренне расслабился. Никакого раздражения, никакого сожаления загодя, только мягкая мудрая нежность.

– Проходи, – чуть ли не весело сказал он. – Что будем праздновать?

Войдя и немного освоившись, Нюша будто размякла, стала замедленно-задумчива. И какие-то невнятные ее объяснения (дэрэ, подруга, неподалеку) звучали уже излишне.

«А зачем ты сообщил, что жена уехала? – усмехнулся про себя Левашов. – Поделится радостью? Вот так это и было воспринято».

Ситуация была даже не двусмысленная, а самая что ни на есть однозначная. Но и любопытная, и лестная, что уж скрывать.

«Три рюмки – не больше», – поклялся себе Левашов. Он не хотел слишком хмелеть, терять над собой контроль. В том числе и по соображениям эстетическим: как бы дальше всё ни развивалось, оставаться всё должно красиво.

А сложно, опасно, романно-запутанно и вообще литературно было уже и сейчас. Больно уж явно Левашов напоминал себе какого-то Анатоля Курагина. «Наташа Ростова прощается с детством. И чтобы попасть в этот о дивный новый мир, ей нужен опытный (подопытный!) проводник, – думал он с горечью. – Ну, и еще по-репортерски интересно, конечно...»

Они по-прежнему оставались на кухне, потому что перейти в комнату значило резко закончить эту легкую часть встречи, перейти к другой – и ясно, и не ясно какой, хорошей или плохой.

– Кофе будешь еще? – спросил он.

– А коньяка еще можно? – скорчила она просительную рожицу.

Он усмехнулся:

– Нет, околоток тебя сегодня точно дождется!

– Сегодня? – деланно возмутилась она. – Евгений Кириллович, вы что, пьяную девушку в ночь на улицу выпустите?

– Да нет, конечно, – смутился он. – Оставайся сколько нужно, пьяная девушка.

– Да вы не бойтесь, я к вам приставать не буду, – неожиданно прямо сказала она.

Он внимательно, серьезно посмотрел на нее. А потом признался:

– Да я не того боюсь, глупая. Я боюсь, что я к тебе приставать начну.

– А вы не бойтесь, вы попробуйте – вдруг понравится? – смело подняла она подбородок.

– Нет, нельзя, – погладил он ее по голове, как ребенка. – Я, конечно, не очень приличный человек, но не до такой же степени...

– Что, совсем я вам никак? Вообще никаким местом? – жалобно заглянула она ему в глаза.

– Да нет же, глупая! Ты очень красивая! Просто нельзя, и всё. А в тебя Влад, кажется, влюблен.

Она опустила голову, а потом снова подняла:

– А если я в него не влюблена, это считается?

– Для тебя – не знаю, но для меня-то точно считается...

Ну, вот всё и решилось. Ньюша, понурившись, рисовала пальцем кругляшки на клеенчатой скатерти. Левашов отошел к окну – заставил себя, чтобы оказаться подальше. И она, похоже, поняла это.

– Мне теперь, наверное, уйти нужно, да? – выдавила она из себя.

– Ну уж нет! Я ночному патрулю такого счастья не доставлю! Будешь сидеть и слушать мои нудные речи! Да нет, шучу. Просто будем разговаривать. Мне с тобой правда интересно.

– Ну да – просто разговаривать... И ничего вы не нудно говорите, наоборот. Я тогда сразу же в вас влюбилась, когда вы на планерке выступили. А теперь вот оказывается... Вот дура! – закончила она неожиданно. – Сама себя начала предлагать... Простите меня, пожалуйста.

– Да что ты говоришь такое? Это я прощения просить должен! Может, обнадежил тебя как-то, вот ты и открылась. Это знаешь какая честь большая? А я, может, всю оставшуюся жизнь потом локти кусать буду!

– Правда? – сквозь слезы улыбнулась она.

– Да сто процентов, даже триста пятьдесят семь! Я, дурак, уже начал жалеть, если честно.

– А может... – начала она с жалкой улыбкой. – Может, вы поймете... И я вам еще понравлюсь?

– Нет, моя умненькая пьяненькая девочка, нет. Ты мне и так нравишься. И я всю оставшуюся жизнь гордиться буду...

Он не врал и уже не боялся, потому что знал, что выдержит, сможет сдержаться.

Остаток ночи они провели вместе – так и не раздевшись, на неразобранном диване, но вместе. Ньюша лежала, отвернувшись к спинке, а он сидел у нее в ногах. Задавал вопросы, и она тихо рассказывала о себе, о родителях, об учебе в университете, о подругах и одном молодом человеке. При этом паузы становились всё длинней, и, наконец, она совсем замолчала – уснула. «Вот она – самая настоящая и самая красивая близость, – думал он, различая в темноте ее силуэт. – Самая настоящая и чистая, потому что бескорыстная, бестелесная, душевная. Но почему нам всегда требуется что-то больше?»

Утром хозяин попробовал накормить гостью завтраком, но она отказалась. Провожать ее до остановки он не пошел – это было бы как-то слишком интимно, и ей, понимал он, такое затяннувшееся рыцарство могло уже стать в тягость.

Троллейбус подъехал почти сразу, не очень удобного маршрута, зато почти пустой, и Аня поднялась в салон. Завозилась в поисках мелочи и попала под тяжелый взгляд кондукторши.

Но, оторвав ей билет, та сказала: «Держи, доча», и это прозвучало как слова поддержки, и девушка прониклась к ней благодарностью.

Аня сидела у окна и пыталась представить, что может думать о ней Левашов, и что будет думать Влад, но у нее не получалось. Она только надеялась, что это не может быть что-то слишком грубое и пошлое. И в глубине души была почти в этом уверена. Тем более что солнышко даже сквозь забрызганное стекло притрагивалось к ее щеке и запястью таким мягким теплом, и это сейчас было самое главное.

